

Ефим Гальперин

**ОПЫТЫ
ПСИХОАНАЛИЗА:
БЪШЕНСТВО
ПОДОНКА**

Политический триллер

Ефим Гальперин

Опыты психоанализа: бешенство подонка

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6741157

Аннотация

А ведь всей этой херни могло не быть!

К столетию события, которое до сих пор оказывает огромное влияние на ход мировой истории!

Успешная операция Генерального штаба Германии по навязыванию России марионеточного правительства с целью выведения её из войны. Так называемое принуждение к миру.

В мировой истории эта авантюра фигурирует под названиями: «Октябрьская революция в России» или «Октябрьский переворот».

И уж совсем цинично – «Великая пролетарская революция».

Триллер. Действующие лица – Ленин, Сталин, Троцкий, Свердлов, Пинхас Рутенберг, Граф Мирбах, американские журналисты Джон Рид, Луиза Брайант и т. д.

И ещё Михаил Терещенко. Мальчик, родившейся «с золотой ложечкой во рту». Наследник одного из крупнейших состояний. Землевладелец, фабрикант, юрист, денди 1900-х, издатель.

Владелец самого большого в мире голубого бриллианта и самой большой паровой яхты.

В тридцать лет он волей судьбы сначала министр финансов, а затем министр иностранных дел Временного правительства России. Потом будет арест. Тюрьма. Чудом он будет спасён от расстрела. А ведь должен был быть убит. Потому, что перешёл дорогу германскому кандидату на власть в России Ульянову-Ленину.

Содержание

Предисловие	7
Санкт-Петербург (Петроград). Площадь на углу улицы Садовой и Невского проспекта	11
Санкт-Петербург. Театр «Летний Буфф». Вечер	17
Санкт-Петербург. Двор и сторожка завода “РУССКИЙ РЕНО”. Раннее утро	21
Санкт-Петербург. Улицы. Раннее утро	29
Берлин. Железнодорожный вокзал (Messegelaende). Вечер	31
Берлин. Здание Генерального Штаба Германии (Generalstab). Кабинет. Вечер	32
Берлин. Набережная канала. День	34
Берлин. Здание Генерального Штаба Германии (Generalstab). Кабинет. Вечер	35
Санкт-Петербург. Квартира Алилуева. Утро	36
Берлин. Здание Генерального Штаба Германии (Generalstab). Вечер	37
Санкт-Петербург. Квартира Алилуева. Утро	39
Санкт-Петербург. Улица. Утро	40
Кронштадт. Конспиративная квартира. Ночь	41
Санкт-Петербург. Мариинский Дворец. Зал заседаний Временного Правительства. Вечер	42
Пригород Санкт-Петербурга. Сестрорецк.	46

Пристань. Утро	
Пригород Санкт-Петербурга. Сестрорецк.	47
Окраина. Утро	
Пригород Санкт-Петербурга. Сестрорецк.	52
Окраина. День	
Платформа пригородного поезда станции Дибуны. День	55
Станция Удельная. Перрон. Вечер	56
Санкт-Петербург. Мариинский Дворец. Коридор у зала заседаний Временного правительства. Вечер	57
Санкт-Петербург. Губернская Управа. Вечер	58
Пригород Санкт-Петербурга. Сестрорецк.	59
Окраина. День	
Санкт-Петербург. Штаб Военного Округа. Двор. Вечер	60
Станция Удельная. Вечер	61
Хельсинки (Гельсинфорс). Вокзал	62
Хельсинки (Гельсинфорс). Дом начальника милиции Гельсинфорса	64
Санкт-Петербург. Здание суда. День	65
Австрия. Курорт Бад Гаштайн. Клиника. День	66
Санкт-Петербург. Мариинский Дворец. Кабинет Керенского	68
Фургон для перевозки арестованных. Вечер	70
Австрия. Курорт Бад Гаштайн. Клиника. Ночь	71

Австрия. Курорт Бад Гаштайн Клиника.	72
Процедурные комнаты. День	
Австрия. Курорт Бад Гаштайн Клиника. Палата.	73
Вечер	
Австрия. Курорт Бад Гаштайн Клиника. Палата.	74
День	
Поезд Стокгольм – Гельсинфорс (Хельсинки).	75
Вечер	
Станция. Перрон	76
Санкт-Петербург. Финляндский вокзал. Вечер	77
Санкт-Петербург. День	78
Санкт-Петербург. Возле ворот тюрьмы «Кресты»	79
Австрия. Курорт Бад Гаштайн Клиника.	80
Открытая веранда на фоне Альп. Утро	
Австрия. Курорт Бад Гаштайн Клиника	81
Москва. Улицы. День	83
Берлин. Улицы. День	84
Австрия. Курорт Бад Гаштайн Клиника. У входа.	85
Утро	
Город Могилёв. Вокзал. Утро	87
Поезд. Утро	89
Станция Дно. Утро	90
Станция Дно. Вагон поезда. Утро	93
Санкт-Петербург. Витебский вокзал. Утро	95
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Ефим Гальперин

Опыты психоанализа: бешенство подонка

Предисловие

А ведь всей этой херни могло не быть!

Ни Второй мировой войны, ни коммунистического Китая и Вьетнама, ни Северной Кореи, ни холодной войны, ни Карибского кризиса, ни берлинской стены, ни маккартизма. Ни миллионов жертв.

Понятно, что наверняка была бы какая-нибудь другая херня. Но уж точно не эта, которая вот уже почти сто лет оказывает огромное влияние на ход мировой истории.

Речь идёт об успешной операции Генерального штаба Германии по навязыванию России марионеточного правительства с целью выведения её из войны. Так называемое принуждение к миру.

В мировой истории эта авантюра фигурирует под названиями: «Октябрьская революция в России» или «Октябрьский переворот». И уж совсем цинично по отношению к пролетариату – «Великая пролетарская революция».

Нет ничего хуже, чем незавершённое прошлое. Эта книга – апокриф. Я принципиально отступаю от канонического описания событий того времени. В том числе и от мемуаров. Советских – заведомо лживых. И зарубежных, авторы, которых старательно замалчивают факты, чтобы не стала ясна их неприглядная роль в случившемся.

Используя метод Джоэля Кармайкла – заполняя лакуны, расшифровывая недоговоренности и несуразности в официальной версии событий – я позволяю себе разрушить многолетний миф о том, что возникновение Советской власти было результатом свободного волеизъявления народа. И смею представить себе действительный ход событий. А в допущении, что не все знакомы с историей вопроса, повествование сопровождается глоссарий.

Ориентируясь на клиповость мышления сегодняшнего читателя и восприятие им действительности в медийной форме, форма подачи текста – литературный киносценарий. Жанр выбран самый популярный – политический триллер. И, обязательно, актёр Ди Каприо в роли Ленина.

Будем надеяться, что читателям хватит фантазии представить картинку без принятых в традиционной литературе описаний природы и нервических движений бровей героев.

Действующие лица – Ленин, Сталин, Троцкий, Свердлов, Пинхас Рутенберг, Граф Мирбах, аналитики Генерального штаба Германии, командир оперативной группы гауптман Штольц, американские журналисты Джон Рид, Луиза Брай-

ант и т. д.

И ещё Михаил Терещенко. Мальчик, родившейся «с золотой ложечкой во рту». Наследник одного из крупнейших состояний. Землевладелец, фабрикант, юрист, денди 1900-х, издатель. Владелец самого большого в мире голубого бриллианта и самой большой паровой яхты.

В тридцать лет он волею судеб сначала министр финансов, а затем министр иностранных дел Временного правительства России. Потом будет арест. Тюрьма. Чудом он будет спасён от расстрела. А ведь должен был быть убит. Потому, что перешёл дорогу германскому кандидату на власть в России Ульянову – Ленину. Да-да. Под увеличительным стеклом момент приведения проходимца к власти. Типичная ситуация для десятков и сотен революций, случившихся и случившихся сегодня... Важно, что найденный тогда на свалке кандидат на власть, с которого сдули пыль, почистили, отмыли и пустили в дело, был Ленин.

Потом он с соратниками станет править полученной ими страной. Да так, что охнут в России, а потом в Германии. Да и во всём мире. Увы, до сих пор охают...

Именно эта ситуация – дуэль прожженного политика Ленина и честного, но, увы, наивного и благородного Михаила Терещенко (о, загадочная русская душа!), не нашедшая до сих пор отражения ни в кино, ни на театре, содержание триллера.

Но, главное, что при всех хитросплетениях политических

интриг, в центре повествования глубокая человеческая история о любви и ненависти, о дружбе и предательстве. Ключевое слово – Честь!

А ещё, как и положено, в триллере, будут погони, переодевания, стрельба. Да ещё какая! 152 миллиметровое корабельное орудие крейсера «Аврора»!

Секс? А как же без него! Ленин с госпожой Арманд, Терещенко с дочерью английского посла.

Есть и изнасилование. Юной солдатки женского батальона, стоявшего на охране Зимнего Дворца.

И вообще, вся эта история, как предчувствие изнасилования подонками Великой страны.

Санкт-Петербург (Петроград). Площадь на углу улицы Садовой и Невского проспекта

Солнечный день. Грохот пулемётов. Под пулями мечутся сотни людей. Женщины, дети, солдаты...

ТИТР: Пятое июля 1917 года

От крупных деталей: крови, лиц в крике, метаний тел камера поднимается вверх, на очень общий план, как на хрестоматийной фотографии Виктора Булла, известной в советской историографии под названием «Расстрел мирной демонстрации рабочих и солдат 4 июля 1917 года», но которая на самом деле по атрибуции должна называться: «Июльский кризис. Попытка государственного переворота¹. Провокация большевиков 5 июля 1917 года».

Пулемётчик на крыше бьёт из «Максима» по площади длинными очередями. Расплываясь в кокаиновой улыбке, оглядывается на заказчика – щеголеватого стройного мужчину. Это Гауптман (не кличка, а звание капитана в германской армии).

Пулемётчик снова прикидывается к прицелу и снова с ухмылкой даёт длинную очередь.

Не видит ни он, ни его сосед за своим пулемётом, как

гауптман поднимает парабеллум и стреляет им в затылки. Потом скрывается в чердачном окне.

Спустя два часа к зданию, с крыши которого велась стрельба, подъезжает новый пятидесятицильный «роллс-ройс», типа «Сильвер Гоуст». Из него выходит Терещенко².

С ним его адъютант – поручик Чистяков.

Полицмейстер вытягивается в струнку. Отдаёт честь. Они вместе начинают подъём по лестнице в доме. Потом через чердачное помещение на крышу.

Пока они поднимаются, проходят все служебные титры фильма. Открывается вид с крыши на площадь. На ней санитарные автомобили, повозки. Сбор раненых и погибших. На этом кадре главный титр фильма.

ТИТР: ОПЫТЫ ПСИХОАНАЛИЗА: БЕШЕНСТВО ПОДОНКА

На крыше эксперты прокуратуры изучают место преступления. Осматривают трупы пулемётчиков. С ними коренастый мужчина в пенсне. Это Рутенберг³.

– Вот огневая позиция, – показывает гостю полицмейстер. – Видимо, кто-то из толпы, а то и сами казаки смогли нейтрализовать обоих пулемётчиков.

– Не порите херню, полковник! – перебивает его Рутенберг. – С площади сюда достать невозможно. И потом, по показаниям медицинского эксперта, оба пулемётчика убиты сзади. Как утверждает эксперт по оружию...

Эксперт добавляет:

– ...стреляли из немецкого парабеллума.

– Та же картина на той крыше, – Рутенберг показывает на соседнюю крышу:

– Два пулемётчика и оба в затылок.

Терещенко осматривается, а Рутенберг в это время внимательно рассматривает его.

Это, действительно, довольно экзотичная птица для крыш Петрограда. Такой себе денди с обложки журнала мод. Элегантный светлый костюм английской шерсти. Брюки с божественно отглаженной складкой, башмаки из мягкой кожи. И западня для любой дамы – прядь седых волос спадает на лоб. Говорит он снисходительно-покровительственно, с лёгкой иронией в голосе. И рассматривает место трагедии с любопытством постороннего наблюдателя.

Вот он ловит взгляд Рутенберга, представляется:

– Я Министр Временного правительства Михаил Иванович Терещенко.

– О! Читал о вас месяц тому, – говорит Рутенберг. – Вы тот «...самый юный и в то же время единственный богатый министр во всём правительстве этих министров-капиталистов...»

– Это где же так пишут?

– В «Нью-Йорк Таймс». «Меценат! Внук простого крестьянина, построившего свой капитал на производстве сахара. Владелец самой большой паровой яхты и самого краси-

вого бриллианта...»

– Тут говорят, сто тридцать человек погибло. И раненые...

– Вы плохо информированы для министра. Погибло 216 человек и 812 ранено. Дети, женщины, старики... Могло бы быть меньше, если бы полиция сразу же среагировала.

– Перестаньте! – вмешивается в разговор полицмейстер. – Паника! Давят друг друга. Ну, вы же не представляете, как ведёт себя расстреливаемая толпа.

– Это вы мне рассказывать будете, как ведёт себя расстреливаемая толпа?! Охуеть!

Рутенберг отходит к чердачному окну, рассматривает следы на раме.

– Кто это? – тихо спрашивает Терещенко у полицмейстера.

– Приятель Керенского. Рутенберг, – тихо отвечает полицмейстер. – Три дня как приехал из Америки и уже, на тебе, заместитель коменданта города. Партийная кличка «Мартын». Тот самый, что со священником Гапоном попал под расстрел девятого января. Потом он задушил священника! Сидел в Крестах. Я молоденький тогда в охране...

Полицмейстер не выдерживает и кричит Рутенбергу:

– Жаль, Пи-н-х-а-с, что я тебя не приколол тогда в девятьсот пятом в Крестах!

Рутенберг подходит к полицмейстеру и вглядывается в лицо:

– Ба! Вахмистр! Да ты карьеру сделал, оказывается... Во-

на как! А ведь в удачном месте мы встречаемся. Само напрашивается, с крыши тебя сбросить!

Полицмейстер с опаской отходит от края крыши.

– Правильно, вахмистр, делаешь. Берегись меня!

– Я не вахмистр, а полковник.

– Нет, это для гражданина министра ты полковник. А для меня... Ох, помню, кричал «жид на православного священника руку поднял!». Вахмистр ты!

Рутенберг поясняет Терещенко:

– Это же, как судьба сводит! Он, будучи в охране, меня, в кандалах, заколоть хотел. Отбили другие жандармы. А теперь я сбросить его с крыши не могли. Свобода, равенство, братство. «Liberté, Égalité, Fraternité»... Те-те-те!

– Понаехали! Паршивый еврей! – кричит полицмейстер, оказавшись на безопасном расстоянии от края крыши.

– А ты паршивый русский. Что для России вообще опаснее.

– Мне кажется, вы как-то грубы, – пробует Терещенко укорить Рутенберга – Не интеллигентно делаете замечания...

– Это вы мне? Человеку, который едет с другого конца света с надеждой на новую Россию, а тут та же грязь, кровь и бестолковщина. Нет власти!

– Ну, как же?! Мы... Правительство...

– Да, бросьте! Если бы не казаки, большевики уже бы правили бал. И вы, министры, в лучшем случае сегодня бы в

тюрьме. А в худшем здесь под стенкой валялись бы. Разорвала бы вас пьяная матросня на части. И ботиночки ваши присвоила бы. И костюмчик. А вы говорите, полиция, власть... Нет в России ни того ни другого!

Внизу площадь полная трупов и раненых. Стоны, крики, носилки, санитарные машины...

Санкт-Петербург. Театр «Летний Буфф». Вечер

Представление оперетты «Сильва». Неистовый канкан. В середине зрительного зала на помосте актриса, играющая Сильву, поёт свою арию. Зрители в зале – мужчины во фраках, женщины в вечерних нарядах. Допеваётся ария. Аплодисменты.

Антракт. Буфеты, официанты, оживлённые разговоры в фойе. По фойе во фраке, с бокалом шампанского в руке во фраке и в сопровождении двух телохранителей движется Ленин⁴.

Натыкается на Рутенберга. Тот тоже с бокалом.

– О! Кого я вижу. Сам Пинхас Рутенберг! – удивляется Ленин. – Собственной персоной!

– Простите... – Рутенберг всматривается, поправляя очки, – Никак господин Ульянов! Здесь?!

– Да! Я люблю оперетту!

– Ну, да! Это же по вашей части! Столько вы их устраивали в жизни... Большевики, меньшевики, антипартийные группки... Вы большой либреттист! Правда, я смотрю, вы последнее время склоняетесь к кровавым сюжетам. И масштабы вашей деятельности жутко расширились. Сидеть бы вам в Цюрихе со своей сектой. Ан, нет...

– Перестаньте. Вы известный грубиян. А почему вы прибыли... И не к нам, а к Керенскому? Вы же революционер с огромным стажем, батенька!

– Вы знаете, Ульянов, я был в отношениях с Азефом⁵. Думал, что подлее человека быть не может. Оказалось, есть! Вон мальчишки-газетчики разоряются. «Ленин сказал, Ленин требует». Сколько платите писакам? А, ну да! Вы же свои газеты наплодили. Штук тридцать всяких правд... Откуда деньги берёте, Ульянов? Или нашли богатую вдову? Веселую? – напевает мотив из оперетты «Весёлая вдова». – Так у мадам Арманд столько денег нет!

Ленин вскипает. Сжимает кулаки. Телохранители Ленина, чувствуя, что тот вне себя, угрожающе надвигаются на Рутенберга.

– Э, граждане! – предупреждает тот.

– Товарищи... – поправляет Ленин.

– Нет, это для вас, Ульянов, они товарищи, а для меня срань. Рутенберг напирает на телохранителей:

– Во первых, мальцы, я «чалился на нарах» в «Крестах». Так что за себя стою! Во вторых спор у нас с вашим паханом теоретический и в интеллигентном месте. Оп-е-ре-т-та!

А в третьих я со вчерашнего дня заместитель коменданта города Петрограда и окрестностей.

Вот ведь кликну сейчас дежурный наряд казаков. Понятно! Ленин уводит своих молодцов от греха подальше.

Не видит Рутенберг, что к Ленину сквозь толпу протиски-

вається невысокий усатий чоловік в потёртій тужурці і кепці. Це Сталін⁶.

Он, по-волчьи озираясь по сторонам, сообщает что-то Ленину. Вся группа растворяется в толпе.

А на Рутенберга выплывает из толпы Терещенко с Марго и со своей сестрой Пелагеей.

И все с бокалами шампанского.

– О! Вы тоже любитель оперетты! Вот, девочки, разрешите представить. Пётр Моисеевич Рутенберг. Сегодня на крыше познакомились. Это Марго. А это моя сестра Пелагея.

– Б-г мой, гражданин министр! Вот уж воистину, если Всевышний даёт, то щедрой рукой! Рад познакомиться, прекрасные дамы!

– Помнишь про революцию 1905 года. «Кровавое воскресение»⁷, – говорит Терещенко сестре Пелагее. – Вот! Тот самый легендарный Пётр Моисеевич, который своими руками задушил попа Гапона.

– О, вы такой безжалостный?! – вскрикивает манерно Пелагея.

– Нет, я такой справедливый! – улыбается Рутенберг. – Я и оперетты больше всего люблю за простодушие героев.

– Кстати, я ведь прямо с заседания министров, – говорит Терещенко. – Из-за этого на первое действие не успел. Так вот, господин Рутенберг, там у нас возобладала именно ваша точка зрения. Заслушав доклад Алексеевского, правительство приняло решение арестовать Ульянова-Ленина и весь

их центральный комитет. По обвинению в шпионаже на Германию.

– Ах, как жаль, уважаемый министр, что вы не сообщили это мне десять минут назад!

– А что?

– Так я как раз с этим самым Ульяновым разговаривал. Он ведь тоже любитель опереттки. Ой, теперь, боюсь, нескоро мы его увидим.

Санкт-Петербург. Двор и сторожка завода “РУССКИЙ РENO”. Раннее утро

Птички поют. Пустынно. Хотя нет. У ворот, вдоль забора и даже на деревьях охрана. Бригадир у них Сталин. Он строго проверяет посты вокруг домика сторожа. Потом проходит внутрь и мостится на краешке табуретки у входа.

В помещении Ленин, Троцкий⁸, Зиновьев⁹, Каменев¹⁰, Свердлов¹¹, Орджоникидзе¹². В углу у окна сидит Иоффе¹³.

Панорама – знакомство по лицам присутствующих в сопровождении дикторского текста.

ДИКТОР:

Ленин Владимир (Ульянов). Прибыл 3 месяца назад. Отсутствовал в России 9 лет. Пересёк Германию в plombированном вагоне. Председатель исполнительного комитета большевиков.

Троцкий Лев (Бронштейн). Прибыл 2 месяца назад из США. Отсутствовал в России 11 лет. В июне неформальный лидер «межрайонцев». Сотрудничает с большевиками.

Каменев Лев (Розенфельд). Вернулся 3 месяца назад из сибирской ссылки. Член исполнительного комитета большевиков.

Зиновьев Григорий (Радомысельский). Прибыл 3 месяца назад. Отсутствовал в России 9 лет. Пересёк Германию в plombированном вагоне вместе с Лениным. Член исполнительного комитета большевиков.

Свердлов Яков (Гаухман). Вернулся 4 месяца назад из сибирской ссылки. Тогда же впервые встретился с Лениным. Член исполнительного комитета большевиков.

Иоффе Адольф. Вернулся в Петроград 4 месяца назад из сибирской ссылки. Сотрудничает с большевиками.

Орджоникидзе Серго. Вернулся 4 месяца назад из сибирской ссылки. Член исполнительного комитета большевиков.

Сталин Иосиф (Джугашвили). Вернулся 4 месяца назад из сибирской ссылки. Занимается охраной исполнительного комитета большевиков.

– ...Эти сволочи юнкера! – разорется Ленин. – Стоять надо до последнего! Особняк Кшешинской – это наш боевой штаб!

– Сдавать будем штаб, – замечает негромко Иоффе, наливает себе из термоса чай в стакан. – Не желаете чаю, Владимир Ильич?

– Да, плесните мне... Ну, если Иоффе говорит «сдавать», будем сдавать.

– Боюсь, что эта шахматная партия нами проиграна, – вздыхает Троцкий.

– Идиоты, те, кто руководил матросами. Надо перестраи-

вать наши порядки! – читает из газеты. – «Указ правительства. Арестовать по обвинению в шпионаже в пользу Германии, лидеров большевиков Ленина-Бланка, Радомыльско-го-Зиновьева, Луначарского, Коллонтай, Семашко, Раскольникова, Рошаля». Пока это вас, большевиков, касается, Владимир Ильич. Но мне кажется, имеет смысл, чтобы часть товарищей, не большевиков, тоже ушла на нелегальное положение. Я, например, об этом подумываю.

– Архиглупость, товарищ Троцкий! – хорохорится Ленин. – Мы должны дать отпор этой клевете через прессу!

– Боюсь, что прессы у нас уже нет. Вам не кажется странным, что резко увеличилось количество патрулей на улицах? Юнкера, казаки. В любой момент могут начаться аресты уже просто членов Петроградского Совета. Противник нащупал слабый участок.

Троцкий зачитывает из другой газеты:

– Вот! «...Суд, на котором будут предъявлены имеющиеся вещественные доказательства предательства большевиков, их связи с германским генштабом...». То есть обратите, товарищи, внимание на слово «имеющиеся»...

Он смотрит в глаза Ленину:

– Есть ли они в природе, эти самые «вещественные доказательства»? Вот вы можете, Владимир Ильич, заверить нас, что ничего не всплывёт?

– Не дай Бог! – вскрикивает Каменев и зачитывает ещё один газетный текст – Вот «Петроградская Газета». «Ленин

и его шайка – заведомые немецкие шпионы, посланные кайзером для нанесения революции отравленного удара ножом в спину». Ну, знаете... Это сильно подрывает наш авторитет в стране.

– Да, плевать! – огрызается Ленин. – Этот прапорщик Ермоленко... Фальшивка! И потом эти бульварные газетёнки...

– Конечно, можно списать всё это на шпиономанию и вражду между нами и бундовцами. Но, а вдруг... – поднимает палец вверх Каменев – Нечто такое, что может дискредитировать все партии, входящие в нашу коалицию. Я считаю, что некоторым товарищам надо уйти в тень. Дистанцироваться от публично действующих структур.

– Кого вы имеете в виду, товарищ Каменев?! – подбочивается Ленин.

– Скажу прямо. Речь идёт о словосочетании «пломбированный вагон»¹⁴, – заявляет Троцкий.

– Ну-ну?! А вот почему вас не подозревают?! Вы же как – никак американец. Паспорт выдан лично президентом Вудро Вильсоном! – язвит Ленин.

– И вообще, этот ваш сука Парвус¹⁵, этот Гельфанд, блядь...

– Владимир Ильич, я как вы знаете, давно и публично отрёкся от него. Я заявил, что не считаю его своим учителем. Отношусь крайне отрицательно.

– Но ведь это он, сука, мстит за то, что я его отставил. Не захотел быть товаром на его прилавке!

– Может быть. Вы же его отставили! И не надо тыкать мне американским паспортом! С Россией, между прочим, Германия воюет! А не Америка.

– А вы, товарищ Троцкий, не в своём цирке «Модерн» выступаете, а на заседании исполнительной комиссии ЦК большевиков...

– Не надо сориться – успокаивает Свердлов – Мне кажется, что товарищу Ленину и товарищам, которые проследовали с ним через территорию Германии, стоит на некоторое время... Выступления, митинги... Без этого!

– А я думаю, что наоборот! Указ об аресте... Пожалуй-ста! – петушится Ленин. – Вот я пойду и сдамся властям. Если, конечно, ЦК большевиков подтвердит постановление Временного правительства. Мы превратим суд в трибуну!

– Не уверен, товарищ Ленин, – говорит Свердлов.

– А я уверен, товарищ Свердлов! Вот приду и скажу – арестовывайте!

И тут от двери звучит реплика. Важная реплика. Её проносит с характерным акцентом скромно примостившийся на табуретке человек с неопределённым статусом. То ли боевик, то ли телохранитель. Ну, в общем «принеси-подай». Это Сталин:

– Боюсь, юнкера даже не доvezут товарища Ленина до тюрьмы... Вон моего подельника в Тифлисе закололи штыками по дороге в камеру... Или из камеры в суд...

После этой реплики Сталина Ленин сдувается, как проко-

лотый шарик и сползает на стул. Дрожат губы, слеза из глаза. Иоффе быстро подносит ему стакан с водой. Ленин лихорадочно глотает. Зубы стучат о стекло.

– Послушайте, грузин, что вы встряёте! – кричит Троцкий Сталину. – Видите что натворили! Вы вообще, что здесь делаете?

– Я охрана! И я не грузин! Я осетин! – Сталин бросается к Троцкому. Его пытаются сдержать Зиновьев и Оржоникидзе. Иоффе внимательно наблюдает перепалку.

А Ленин оглядывает всех. До него наконец-то доходит весь ужас его положения.

Сейчас, после неудачной попытки переворота возникает угроза его ареста, а, следовательно, допроса и дачи им показаний. Конечно его должны убрать. Как основного свидетеля по делу. Кто будет убивать и под каким соусом... Вполне это могут быть юнкера. И штыками. Он вспоминает виденное им через забор во дворе военного училища. Там юнкера отработывали штыковые удары на чучеле под команду: «Колли, раз!».

– Пойдите, пойдите! Нам только драки не хватает – Ленин переводит дыхание, с трудом поднимается со стула, встаёт между Троцким и Сталиным. Напряжённо вспоминает фамилию (этим ведь он славится в мифах):

– Вы, товарищ Джу-га...

– Джугашвили. Партийная кличка Сталин.

– Товарищ Джугашвили высказал, увы, довольно верное

предположение. Ведь не довезут меня, Лев Давыдович. И боюсь, что среди присутствующих найдутся такие, кто не сильно этому огорчится. А, вы, товарищ Джугашвили, напрасно, батенька. Осетин... Это мелко! Нужно позиционировать себя с большим народом. Грузия! Правильно, товарищ Орджоникидзе?

Орджоникидзе гордо кивает.

– А как же тогда товарищ Ленин сможет руководить процессом?! – спрашивает Зиновьев.

– Во-первых, руковожу процессом не я, а мы вместе. А во-вторых, действительно, как же мне быть? – замечает Ленин скромно.

– А просто – предлагает Свердлов – Вы, Владимир Ильич, будете по прежнему возглавлять ЦК, но из подполья. С крепкой охраной. А мы уж под открытым огнём будем строить... Делегируйте свои полномочия тому, кому вы доверяете больше. И этот товарищ будет передавать свои пожелания и советы нам. Вот кого Вы предлагаете в качестве представителя?

– Зиновьева! – говорит Ленин.

– Извините, но товарищ Зиновьев из того же plombированного вагона, – ехидно уточняет Троцкий.

Ленин оглядывается вокруг и, язвительно улыбаясь Троцкому, указывает на Сталина. А потом смотрит на Иоффе. Тот морщится. Но Ленину вожжа под хвост:

– Вот! Джуга...

– Джугашвили. Сталин, – поправляет Сталин.

– Да! Я настаиваю на кандидатуре товарища Джугашвили!

Сталин оглядывается, становясь как бы выше ростом. Да

– «В правильное время, в правильном месте».

Троцкий переглядывается с Каменевым и Свердловым.

Орджоникидзе радостно, но незаметно жмёт руку Сталину. Тот улыбается.

Из домика сторожа выходят и расходятся в разные стороны участники совещания.

На крыльце Иоффе тихо что-то объясняет Ленину. Тот упрямо качает головой. Шепчет:

– Нет и ещё раз нет! Я... Они сделают из меня козла отпущения! Я сейчас живой компромат! Я с ним уйду! – показывает на Сталина. – Он ничей. Дикий. Бывалый. Просто уголовник.

Ленин требовательно протягивает руку. Иоффе даёт Ленину стопку купюр. Ленин берёт. Уходит по дорожке к ожидающему его у калитки Сталину.

Санкт-Петербург. Улицы. Раннее утро

Сталин выглядывает, машет рукой. Подъезжает пролётка с поднятым верхом. Из калитки выходит Ленин. Садится в пролётку. Охранник и Сталин по бокам. Ещё один охранник рядом с извозчиком. Щека Ленина подвязана носовым платком. Как бы флюс. На голове кепка Сталина. Ленин всё время поправляет повязку на лице и переспрашивает у Сталина:

– Бородку не видно? Бородку не видно?

Слышны выстрелы, пулемётные очереди. Ленин вздрагивает.

– Это казаки моряков из Петропавловской крепости выкуривают, – успокаивает Сталин.

Пролётка останавливается у дома. (10-я Рождественская улица, дом 17 – ныне улица 10-я Советская).

Один из охранников проверяет подъезд. Выглядывает, машет рукой – всё чисто. Сталин выходит из пролётки. Оглядывается по сторонам. Они входят в подъезд.

Поднимаются с Лениным на пятый этаж в квартиру номер 20.

– Здесь я живу, – шепчет Сталин. – У друга.

Сталин с Лениным проходят в квартиру. Здравуются с всклокоченным, явно со сна, Сергеем Алилуевым¹⁶.

– Алилуев! – представляет его Сталин. – Верный человек!

– Сергей! Извините, я с ночной смены. Электрик я на подстанции...

– Бриться! – командует Ленин. – Немедленно!

Ленин сидит перед зеркалом. Алилуев суетится. Взбивает в стаканчике пену для бритья. Намылывает лицо Ленину. А тот смотрит на пену в стаканчике и вспоминает...

Берлин. Железнодорожный вокзал (Messegelaende). Вечер

ТИТР: 29 Марта 1917 года.

Вечер. Белый туман. Пломбированный вагон с социалистами, едущими через Германию в Россию на запасном пути в тупике. У вагона, сопровождающие группу немецкие офицеры.

За будкой стрелочников останавливается автомобиль. Двое господ в штатском подходят к вагону. Тихо переговариваются с офицерами.

Из вагона, оглядываясь, спускаются Ленин и Карел Радек¹⁷. Вместе со штатскими они уходят к машине. Зажглись фары. Застучал мотор.

Берлин. Здание Генерального Штаба Германии (Generalstab). Кабинет. Вечер

Высокие потолки. Инкрустированные ценными породами дерева стены. Зеркала. Яркие лампы. У стола генерал с бакенбардами. Ну, просто вылитый император Вильгельм. С ним Ленин и Радек. Разговор идёт на немецком языке.

– Ну, я надеюсь, мы друг друга, герр Ульянов, поняли? – важно излагает генерал, – И, будучи благодарны господину Парвусу-Гельфанду за его идею и первые инициативы, пойдём дальше уже сами. Правильно? (Richtig?)

– Правильно (Richtig!) – улыбается Ленин.

– «Лорелея»¹⁸. Такое будет название у нашего сотрудничества. Вы, конечно, знаете эту легенду?

Ленин кивает.

К ним приближается настоящий ариец. Граф Мирбах¹⁹.

– Разрешите представить, Граф Мирбах. – торжественно произносит генерал. – Он возглавит группу, которая будет поддерживать вас в России практическими делами. Граф с 1908 по 1911 гг. служил советником германского посольства в Санкт-Петербурге. И он... Подробности по поступлению и расходованию средств и материально-технической поддерж-

ке наши люди обсудят с вашим представителем. Вы рекомендуете... Герр Радек? Правильно?

Ленин кивает. Радек улыбается.

Генерал меряет Радека снисходительным взглядом (Радек ростом 154 см. генерал 190 см.)

Радек обиженно закусывает губу.

Здесь и в дальнейшем с помощью титров и диктора мы будем заглядывать в будущее героев фильма. Ведь всегда так интересно, как ложатся карты...

Берлин. Набережная канала. День

Эпизод стилизован под кинохронику.

ТИТР: Ноябрь 1918 года.

Революционные события осени 1918 года в Германии. Красные флаги. Машина генерала окружена боевиками. Генерала вытягивают из машины. И пока он не выпрямился во весь свой рост, именно Радек стреляет ему в лоб. Тело сбрасывают в канал.

ДИКТОР:

Последнее что увидит в своей жизни генерал в дни революционных событий в Германии, будет как раз лицо Карела Радека.

Берлин. Здание Генерального Штаба Германии (Generalstab). Кабинет. Вечер

ТИТР: 29 Март 1917 год.

Работники финансового отдела почтительно подхватывают Радека под руки и, гордого, уводят на инструктаж.

Под рукой генерала мнётся чиновник. Такой архивный червь. Настойчиво шепчет что-то генералу на ухо. Кладёт бумаги перед Лениным.

– Ах, да! – говорит генерал. – Забыл! Подпишите здесь, герр Ульянов.

– Не понял?! – настораживается Ленин. – Я не буду ничего подписывать!

– Увы, мы, немцы, народ педантичный. И потом, вы же расписываетесь не в частной какой-то лавке под кредит на покупку шубы. Как-никак мы вам выделяем огромное финансирование. И это просто соблюдение формальности...

– Никаких подписей! – Ленин вскакивает.

– Ну, не горячитесь. Герр Мирбах, угостите гостя кофе, пирожными.

Санкт-Петербург. Квартира Алилуева. Утро

Ленин сидит перед зеркалом. Алилуев, добривает одну щёку. На лице полбороды и половина усов. Взбивается в стаканчике пена.

Берлин. Здание Генерального Штаба Германии (Generalstab). Вечер

Ленин с Мирбахом проходят в комнату с большими стрельчатыми окнами, выходящими во внутренний дворик Генштаба.

Сидят, пьют кофе. Ленин возбуждён и категоричен. Мирбах миролюбив и любезен:

– Как вам архитектура? Обратите внимание, чудный дворик. Действительно, встроенный внутрь здания дворик выглядит как парк.

Высокие деревья, скамейки, фонтаны, скульптуры.

И вдруг Ленин напрягается. Он видит, что по дворику рядом с каким-то германским офицером гуляет очень знакомая ему личность. Ленин не верит своим глазам:

– Простите, но это же...

– Да – соглашается граф Мирбах.

– Что он здесь делает?!

– Ну, честно говоря, тоже, что и вы. Понимаете, мой заместитель герр Розенберг говорит, что вы излишне категоричны и как бы себе на уме. Можете подвести. И он настаивает на этой кандидатуре. Но я уверен, что иметь дело стоит именно с Вами.

Ленин задумывается.

– Я изучал ваши статьи и выступления, – продолжает спокойно граф Мирбах. – Знаю о том, какой вы непримиримый в борьбе с противниками. И ещё понимаю, что это ваш, можно сказать, последний шанс. Согласитесь, это будет горьким событием, если сейчас на полпути вас завернут, а в Россию поедет этот герр... И там, используя ваши же наработки, будет устраивать эту, как бы... революцию. И ещё один очень важный момент. Мы ведь изучали все группы, находящиеся в оппозиции. Выяснилось что большинство ведущих «революционеров», простите, евреи. Нет, дело не в антисемитизме. У меня самого в друзьях масса евреев. Но согласитесь, странно будет. Вождь России и не русский. Нонсенс. А вы...

Во всяком случае, по официальной версии...

– Но, есть, в конце концов, левые эсэры. Та же Спиридонова...

– Простите, мы бы хотели иметь дело с человеком мыслящим более-менее адекватно.

Ленин встаёт. Долго смотрит на гуляющую во внутреннем дворике пару. Решительно распахивает дверь в коридор.

Идёт быстро по коридору. Мирбах едва успевает за ним. Ленин распахивает дверь в кабинет. Они входят. Дверь закрывается.

Санкт-Петербург. Квартира Алилуева. Утро

Пока Ленина бреют, Сталин пьёт чай в кухне. Пьёт он на восточный манер. Не спеша. Мелкими глотками. Думая. Дочка хозяина, шестнадцатилетняя девушка в коротеньком домашнем халатике ставит перед ним тарелку с баранками.

ДИКТОР:

Алилуева Надежда. Через год жена Сталина. В ночь с 8 на 9 ноября 1932 года погибнет. Официальная версия – самоубийство.

Ленин смотрит в зеркало. Гладковыбритое лицо уже немолодого человека. Мешки под глазами и бегающие красные глаза.

Санкт-Петербург. Улица. Утро

Из здания выходят и идут по улице на набережную к рейсовому катеру в Кронштадт три человека. Двое – Ленин и охранник – в матросской форме. Сталин в гражданской одежде. Садятся на катер. Катер благополучно отчаливает. Ленин, придерживая бескозырку, смотрит на удаляющийся Петроград.

К причалу подъезжает автомобиль. В нём уже знакомый нам гауптман. Он смотрит вслед катеру.

Кронштадт. Конспиративная квартира. Ночь

Сталин наливает чай в стакан. Несёт его в комнату. Там на стуле при свете керосиновой лампы сидит Ленин и безучастно смотрит перед собой на пустую стену. Когда Сталин касается его плеча, он резко оглядывается. И снова утыкает взгляд в стену.

Сталин ставит на стол возле него стакан с чаем и выходит на кухню, садится у окна. Пьёт чай.

Санкт-Петербург. Мариинский Дворец. Зал заседаний Временного Правительства. Вечер

На трибуне вещает Керенский²⁰. Министры скучают. Среди них Терещенко.

Рутенберг с места перебивает Керенского.

– ...А очень просто! Надо чтобы Указ правительства выполнялся!

– Продовольственный вопрос, Пётр Моисеевич, в связи с которым Вы приглашены, у нас следующий на повестке дня, – отбивается Керенский. – Так что...

– Нет! Я же вижу, Александр Фёдорович, что вы уже идёте на попятный?! И вот это как раз имеет прямое отношение к ситуации с хлебом в Петрограде. Ведь невооружённым глазом видно, что трудности с продовольствием в городе искусственные. Явный саботаж с целью вызвать взрыв недовольства у жителей. И всё дело в Ульянове, которого поддерживают немцы. Если мы сейчас не захватим эту шайку...

– Перестаньте! Володя Ульянов учился у моего отца!

– Ну, мало ли какая шваль могла учиться у Вашего отца, Саша.

– Бросьте, Пинхас. И вообще у меня нет времени. Мне

пора на митинг в цирк.

– О! Наконец-то я подобрал ключ к тому, что наблюдаю вот уже неделю. Цирк!

– Перестаньте паясничать!

– Перестану, если вы дадите жёсткую команду сыскному отделению. Пусть расшибутся в доску, но достанут из-под земли. Троцкого тоже под суд! Вам доложили результаты расследования расстрела демонстрации на Невском?!

– Это голословно. Бундовцы могут печатать в своей газетёнке любой бред. Я как адвокат с громадным стажем вижу, что веских доказательств нет. Большевики выиграют суд.

И вообще, я тороплюсь. У меня выступление.

– Езжайте, Саша. На манеж! Там вам и место. Оркестр туш! Та-та-та! На арене сам Керенский. Спаситель России!

– Вы, Пинхас, много на себя берёте!

– Вы даже не представляете, гражданин Керенский, как много я на себя взял!

И тут в перепалку вмешивается Терещенко.

– Но простите, гражданин Рутенберг! Что вы хотите? Вот я, например, тоже не верю в эту болтовню! – Терещенко весело оглядывается на министров, приглашая их повеселиться вместе с ним, – А, граждане министры?! Сейчас все ловят шпионов. Вон и вдовствующую императрицу Марию Фёдоровну обвиняют. Давайте её, старушку, под суд. Также! Хотя нет! Кто же будет у нас в стране вдовствующей... Чепуха всё это! Ленин-Пенин... У вас гражданин Рутенберг, какая-то

идея фикс, честное слово!

– Вы так считаете?! – ощеривается Рутенберг.

– Да! Как министр иностранных дел, я...

– Вы министр?! Ну, я тогда японский император. Вы просто дойная корова! Им, – он показывает на министров, – нужны не вы с вашими красивыми пустыми словами, а деньги и связи династии Терещенко. Вас раскрутили на военный заём как последнего фраера. Министр он, бля! Как там в «Нью-Йорк таймс»: «мальчик, рождённый с золотой ложечкой во рту! Олигарх!» Какой вы на хер олигарх?!

– Как это?

– А так! Олигарх – тот тот, кто идёт во власть для пользы себя и своего бизнеса. А вы!? Мало того что, не заработали, так ведь ещё и разорились. Тоже мне... Министр иностранных дел! Где ваши решительные заявления? Где ваше встряхивание за шиворот союзников?! Зато приятное времяпрепровождение, коктейли, фраки и возможность потрахивать дочерей и жён послов. Главное, чтобы вам было не скучно? Верно?! Да, я вижу, в завещание наследства от бабушки Николая пункт – поделиться умом – внесён не был.

– Что?! Как вы смеете!? Да, я вас... Вызываю на дуэль! Терещенко бросается на Рутенберга, но его удерживают.

– Бросьте, гражданин Терещенко! – говорит Рутенберг. – Ну, не надо так горячиться. Я не из дворян. Да и вы не из князей. Дуэль это не из нашего обихода. Вот морды друг другу набить... Хотя нет! Детей не бью!

Рутенберг выходит из зала заседаний. Терещенко смотрит
вслед.

Пригород Санкт-Петербурга. Сестрорецк. Пристань. Утро

Ленин ходит на берег. Он уже в одежде рабочего. Такой себе конторщик Путиловского завода Ильин. Сопровождает его тот же Сталин. Уходят по улочке.

Пригород Санкт-Петербурга. Сестрорецк. Окраина. Утро

Жарко. Солнце слепит. Пыль. Из своего авто выходит Терещенко. Элегантный и весёлый. За ним из машины выходит адъютант поручик Чистякова. Терещенко останавливает его:

– Не бойсь, Чистяков. Всё в порядке. Видишь, птички поют. Пройдусь пешочком. Жди здесь.

Терещенко идёт по переулку вдоль заборов, сверяясь с запиской, рассматривает дома. Останавливает мальчика девяти лет.

– Скажи-ка, малец, где тут дом Емельянова?

Мальчик подводит Терещенко к дому. У калитки женщина, тревожно оглядывает улицу.

– Тётка Надежда, тут вот Емельяновых спрашивают.

– А чё?! – пугается женщина. – А-а-а... Мы никак не Емельяновы. Мы это...

– О!? Тётка Надька?! Емельянова ж ты? – удивляется мальчик. – У нас на квартале других Емельяновых и нет.

– Ну, ладно! – громко, чтобы услышали в доме, говорит женщина, – Емельяновы мы! Не расслышала. Но вам ежели молока, так это через три дома.

– Нет, я к вам, – Терещенко сам открывает калитку, проходит по двору. Женщина семенит рядом. Терещенко под-

нимается на крыльцо.

В доме суматоха. Сталин вынимает наган, Емельянов²¹ нож. Вместе с Лениным они переходят из гостиной в кухню.

Терещенко входит в дом. Женщина паникует:

– Вы чё безобразничаете, господин хороший?! Я чичас власть позову. Городового.

– А я власть и есть, – весело сообщает Терещенко. – Позвольте представиться. Михаил Иванович Терещенко. Министр иностранных дел. Хотел бы встретиться с господином Ульяновым.

– Какой-такой Лянов-Белянов?! Не знам такого! Идите отсюда! Вы видали, министр он!

– Поверьте мне, я не враг господину Ульянову. Я пришёл поговорить.

– Вы с ума сошли господин хороший! Уходите по добру, по здорову!

На кухне Сталин показывает жестом – чирканье по горлу. Ленин отрицательно качает головой.

– Успеем, – шепчет Ленин. – Проверьте вокруг! С кем он? Казаки? А я...

– Да, Бросьте вы, мадам! – продолжает Терещенко. – Мне нужен Ульянов. Он здесь!

– Конечно, здесь! – Ленин, как в омут с головой, выходит в комнату. – С вами я не буду играть в прятки. Потому что весьма и весьма... Наслышан. Вы тот самый герой, который своими действиями разогнал это идиотское правительство

князя Львова. Позвольте пожать Вашу героическую руку! Мы, большевики, ведь тоже за предоставление независимости Украине. Проходите, садитесь. Сейчас чайку попьём! – усаживает Терещенко, проходит к дверям на кухню. – А нунка, хозяйюшка, наладьте-ка нам с гражданином министром самоварчик! Сядем, будем чай гонять. С баранками. Вы любите свежие баранки, Михаил Иванович?

– Баранки люблю. Да... Я вообще-то ненадолго, – Терещенко выкладывает перед Лениным газету. – Вот у нас спор случился. Я проголосовал против Указа о вашем аресте...

– Почему? Не верите газетам?!

– Нет! Я верю только в то, в чём сам убедился. Пощупал. Вот и сейчас... Пришёл спросить. Прямо. Глядя Вам в глаза. Это же печатный орган революционной партии. Бунд. Как я понимаю, они социалисты тоже. В какой-то степени соратники ваши.

– В том то и дело, что в какой-то степени, Дорогой Михаил Иванович! Вы, насколько я знаю, в политике человек свежий. А ведь это такая особенная французская борьба, батенька. Да ещё к тому же без всяких правил. Подножки, оплёвывание, наговоры, явное враньё! И потом Бунд мелкобуржуазная еврейская секта. Они давно отошли от линии, увязли в болоте национализма. Враги революции!

– Ну, для меня все эти ваши партийные дела тёмный лес...

– А я, знаете ли, батенька, этим занимаюсь всю жизнь. И поверьте мне, это войны... Убитые, раненые. Ведь идёт борьба

ба за чистоту идеи. И в ход идут самые жуткие средства. Похуже газов на войне. Всякий иприт это ерунда по сравнению с...

– А мне помнится, – Терещенко рассматривает гладко-выбритого Ленина. – У вас усы были. И борода. Когда мы встречали вас на Финляндском вокзале.

– Да... – Ленин трёт голый подбородок. – Но сами понимаете, таких как вы, мудрецов, не верящих в газетные бредни и провокации архи мало! Так что это для тех, кто, не заглянув в святцы, уже бьёт в колокола! Лжецы, клеветники, кадетские негодяи. Давайте без обиняков. Мы же с Вами умные люди. Реалисты! Вот я смотрю вам прямо в глаза. Располагает ли прокуратура, ваши министры и, наконец, разведка какими-то доказательствами? Кроме вот этих бредней! Ну, документы какие-нибудь. Моё досье, как, ха-ха, шпиона? Вот! Всё инсинуации этих негодяев! Милюковы, Гессены, Даны и прочие...

Ленин выглядывает на кухню:

– Так как там с чайком для нас?! Емельянов шепчет ему в ухо:

– На площади стоит автомобиль. Водитель и офицер. Ни полиции, ни казаков.

Ленин вздыхает облегчённо и возвращается в комнату с самоваром, за ним испуганная женщина выносит чашки и вазу с баранками. Ленин, улыбаясь:

– Чаёк поспел. Поговорим сейчас вдоволь. Я вижу, вы ум-

ный и мудрый. И вас волнует судьба России, как и нас.

– Простите. Посидел бы с удовольствием. Но водитель так плутал по Сестрорецку, что время всё вышло. У меня в три встреча с представителями Красного Креста.

– Ничего страшного. Езжайте. Но только, батенька, дайте слово, что вы приедете завтра. Баранок с вареньем. У хозяйки чудное кизиловое... Поговорим. Жду-с! С нетерпением. Ну и сами понимаете, никому ни слова. Не все такие, как Вы, Михаил Иванович.

Ленин с улыбкой провожает гостя к двери.

Терещенко спускается с крыльца. Пересекает двор. Хлопает калитка.

Ленин, в изнеможении падает на стул. Поднимает голову на вышедших из кухни спутников:

– Бляди! А говорили, безопасное место, безопасное место. Немедленно уходим! Ни минуты!

Пригород Санкт-Петербурга. Сестрорецк. Окраина. День

Мостик над ручьём. На перилах мостика сидит тот самый соседский мальчик. А мимо быстрым шагом проходят соседи Емельяновы (муж с женой) и Сталин.

Мальчик подбегает к тётке Надежде, дёргает её за юбку.

– Тётка Надька, а барин мне целый целковый отвалил!

Тётка оглядывается и мальчик видит, что это не соседка, а какой-то дядька, но в платье и платочке тётки Нади. Это переодетый Ленин. Он крепко ухватывает мальчишку за плечо и перегибает через перила мостка.

– Молчать, мальчик, а то утоплю к чертям!

Он говорит таким шёпотом, что мальчик не умом, а всем содрогнувшимся нутром понимает, что дядька утопит.

Беглецы торопливо исчезают за поворотом.

ДИКТОР:

Через два десятка лет мальчик будет выступать перед пионерами и бойко рассказывать, как дядя Николай Емельянов посылал его с едой для товарища Ленина в шалаш на Разливе.

Журчит ручей. Успокаивает. Мальчик сидит, болтает над водой ногами. Обдав пылью и запахом бензина, возле маль-

чика останавливается автомобиль. В нём гауптман²² и шустрый морячок Лёха²³.

– Эй, малой! – окликает гауптман. – Тут соседи твои Емельяновы? Ты их не видел?

– Никого не видел! – огрызается мальчик.

– Да... – Лёха выбирается из авто. – Это не так надо, Франц Иванович. Он присаживается рядом мальчиком. Достает из кармана конфету. Даёт.

Из другого кармана рубль. Тоже даёт.

– Как звать?

– Минька?

– Чё!? Строго наказали молчать?

– Ага! Утопить грозился!

– Кто?

– Да, дядька что в платье тётки Надьки нарядился.

– И куда этот дядька пошёл?

– Да на станцию они пошли. На Дибуну.

Лёха встаёт. Достает ещё рубль. Отдаёт. При этом Мальчик замечает, что подмышкой у морячка пистолет.

– Наган! Дай подержать, дядя!

– Тороплюсь, – улыбается Лёха и гладит мальчика по голове. – Но в следующий раз обязательно. Только про нас уж точно, чтобы никому. Ага?

Лёха садится в машину:

– На Дибуну едем. Может, хоть тут успеем.

– Д-а-а! И чтобы я, Лёха, без тебя делал – улыбается гауп-

ТМАН.

Платформа пригородного поезда станции Дибуны. День

Ленин в женском одеянии со Сталиным и Емельяновым ждут поезда. Садятся в вагон. Уезжают.

Гауптман и Лёха выбегают уже на пустой перрон. Смотрят вслед поезду.

– В Финляндию уходит, – говорит гауптман.

Станция Удельная. Перрон. Вечер

Ленин в женском одеянии со Сталиным идут по переулку.
Заходят во двор дома.

Санкт-Петербург. Мариинский Дворец. Коридор у зала заседаний Временного правительства. Вечер

Министры расходятся после заседания. Терещенко с гордым видом подходит к Рутенбергу, ведущему разговор с министром продовольствия. Останавливается. Достает коробку сигар:

– Прошу! Угощайтесь! Кубинские!

Рутенберг и его собеседник не отказываются. Берут по сигаре.

– Кстати, гражданин Рутенберг, а ведь всё клевета. Ульянов чист! – победоносно улыбается Терещенко, – Никаких связей с немцами!

– Это с чего вы взяли?

– А он мне дал честное благородное слово. Буквально три часа назад. Звал с ним чай погонять. С баранками! Но я तो ропился. А завтра ведь погоняю. С таким интересным собеседником...

Довольный, что вот так эффектно он отомстил Рутенбергу, Терещенко уходит.

Рутенберг смотрит ему вслед. Потом срывается с места, бежит по коридорам, по лестницам. Выбегает из Дворца. Пересекает улицу. Вбегает в Губернскую Управу.

Санкт-Петербург.

Губернская Управа. Вечер

Рутенберг останавливается перед дверьми сыскного отдела прокуратуры. Отходит к окну. в коридоре. Барабанит пальцами по стеклу и всё-таки не успокаивается.

Врывается в кабинет. Подходит к столу. На него поднимает невинные глаза ротмистр Маслов-Лисичкин²⁴ с напомаженным пробором и аккуратно подстриженными усиками.

– Послушайте, ротмистр! Адрес, по которому прятался Ленин... Да! Который вы получили от своего осведомителя. По долгу службы, вы должны были принять в разработку и выслать наряд для задержания! Я не знаю, сколько вам дал Терещенко, чтобы... Сто, триста рублей!? Для него это херня. Ладно, этот «мешок золота», играющий в демократа и патриота... Но вы?! Считайте, ротмистр, что это были тридцать сребреников. Вы же русский офицер! И я еврей, вам, говорю «Вы продаёте Россию!». Ох, как пожалеете!

ДИКТОР:

Ротмистр Маслов-Лисичкин будет расстрелян в августе 1921 года вместе с Николаем Гумилёвым по подозрению в участии в заговоре «Петроградской боевой организации В. Н. Таганцева»

Пригород Санкт-Петербурга. Сестрорецк. Окраина. День

Всё там же останавливается авто Терещенко. Теперь он привычно проходит по улице. Заходит во двор дома Емельяновых. Взбегает на крыльцо. Дверь забита. Окна забиты.

Оглядывает двор. Из-за забора высовывается соседка.

– А вам, господин, чего? Молока? Так ремонт у хозяев. Съехали они к родне. А корову мне оставили. На пока. Так что, пожалуйста за молочком.

Из-за угла сарая появляется Рутенберг. С ним ротмистр Маслов-Лисичкин и мальчик-сосед.

– Ну, что, гражданин министр, попили чаю? С баранками? – язвительно говорит Рутенберг. – Судя по опросу, в доме было трое мужчин. Сильно вы рисковали, Михаил Иванович. Зарезали бы как барашка. К чёртовой матери! А как только вы вышли, они поднялись и бёгом. Этот ваш с честными глазами даже переоделся в платье хозяйки. Спугнули...

Два автомобиля пылят по улочкам Сестрорецка. «Ролс-Ройс» Терещенко и старенький «Рено» следственной группы.

Санкт-Петербург. Штаб Военного Округа. Двор. Вечер

Командующий округа генерал Половцев. Перед ним офицер и взвод юнкеров.

– Пункт назначения станция Удельная, – офицер повторяет полученный приказ – Цель-арест гражданина Ульянова. Разрешите выполнять?

– Есть вопросы?

– Есть, – тихо говорит офицер – Желаете получить этого господина в цельном виде или в разобранном?

– Ну, знаете, – усмехается генерал Половцев – арестованные ведь часто совершают попытки к побегу.

– По коням!

Юнкера взлетают в сёдла.

Станция Удельная. Вечер

Ленин, уже в мужской одежде, в парике, с удостоверением на имя сестрорецкого рабочего Константина Петровича Иванова в сопровождении Сталина идут по железнодорожным путям.

Подходят к паровозу. Ленина знакомят с машинистом. Сталин шепчет:

– Там в Гельсинфорсе на вокзале встретит... Верный человек! Тоже кавказец. С усами. С букетом гвоздик.

Ленин поднимается в паровозную будку. Сталин платит машинисту за контрабандный провоз через границу в Финляндию. Паровоз пыхтит.

Ленин смотрит на огонь в топке паровоза. Потом в окно на проносящиеся перелески. Там остаётся Россия. И он всем нутром понимает, что он уже не хочет назад. Ни за какие коврижки.

Хельсинки (Гельсинфорс). Вокзал

Среди прибывших пассажиров в очереди на контрольно-пропускном пункте к финскому пограничнику стоит Ленин. Он взглядом выискивает в толпе встречающих кавказца с усами и букетом. Переглядывается с ним.

Ленин протягивает пограничнику удостоверение рабочего Иванова.

– Господин Иванов?

– Да. А что? – напрягается Ленин.

Пограничник смотрит на стоящего среди встречающих гауптмана. Тот кивает.

– Ничего. Просто вас, господин Иванов, встречают.

Ленин выходит за барьер. И его любезно под руку подхватывает гауптман. Они идут к выходу на площадь.

Кавказец торопится за ними, но спотыкается об подставленную ногу. Падает. Вскрикивает и бросается на обидчика. Это Лёха, который ласково улыбается и показывает парабеллум под пиджачком.

Ленин с гауптманом, нервно оглядываясь, выходит на привокзальную площадь.

– В чём дело?! Почему вы идёте со мной рядом?! На нас смотрят! Это нежелательный контакт. При этом скандале... – твердит истерично Ленин.

– Успокойтесь, герр Ульянов. Мы не в Петрограде. Мы в

Финляндии. Птички поют.

Люди гуляют. Напрасно вы не связались с нами сразу. И в панике бросились бежать. Пришлось вычислять. Кронштадт, Сестрорецк, Удельная, Терриоки... Герр Мирбах очень волновался за вас...

Они вместе садятся в пролётку. Едут. Потом идут через дворы. Входят в дом.

Хельсинки (Гельсинфорс). Дом начальника милиции Гельсинфорса

Из кресла встаёт в мундире начальник милиции города Густав Ровио²⁵.

– Очень приятно. Рад такому гостю! Разрешите представиться. Начальник милиции Гельсинфорса Густав Ровио.

И тут у Ленина случается нервный срыв. Он покрывается холодным потом, валится как пустой мешок на пол...

Санкт-Петербург. Здание суда. День

Полицейские выводят под конвоем арестованных Троцкого, Рошаля, Коллонтай и других членов Петроградского совета депутатов. Сажают в арестантский фургон. Вокруг толпятся репортёры.

Австрия. Курорт Бад Гаштайн. Клиника. День

Ленин открывает глаза. Белые потолки, белые стены. Он в кровати. Внимательные глаза профессора Адлера²⁶.

– Ну, всё в порядке. Я профессор Адлер. Можете встать?

Ленин оглядывается. У кровати на стуле сидит, улыбаясь, Карел Радек.

Ленин неуверенно встаёт. Поддерживаемый санитаром он проходит по палате. Подходит к окну. За окном чудный пейзаж – заснеженные вершины Альп. Он вопросительно оглядывается.

– Да, пастор Брик, вы в Австрии. Бад Гаштайн. Альпы. Вам предстоит небольшой курс лечения нервной системы. И модный сегодня психоанализ. Всё будет хорошо. Вопросы?

– Какое сегодня число и какой год? – спрашивает Ленин.

– Пятнадцатое июля 1917 года. Есть какие-нибудь просьбы?

– Бумагу, ручку. И свежие газеты.

– Давайте договоримся, герр пастор. Первые две недели никаких газет.

– Соглашайтесь, Учитель – улыбается Радек.

– Хорошо. Тогда работы Маркса и Энгельса.

– Найдём, – улыбается Радек. – Разве что на немецком

языке.

– Пусть! Буду переводить!

Санкт-Петербург. Мариинский Дворец. Кабинет Керенского

В кабинете сам Керенский, Савников²⁷, Терещенко, Рутенберг. Керенский кричит:

– Это попытка мятежа! – Он обращается к Терещенко. – Дорогой Михаил Иванович, вот вы министр иностранных дел, вы понимаете, что будут говорить о нас на Западе!

– Да, резонанс может быть огромный, – важно произносит Терещенко. – Послы стран Антанты в один голос, что призывать диктатора это чересчур. В конце концов, эти Советы депутатов решаемая проблема.

– А вы, Борис?! – Кричит Керенский Савинкову – Кто Вам дал право вести переговоры за моей спиной?!

– Почему за спиной?! Ведь вы сами...

– Нет! Я не поддерживал идеи с Корниловым²⁸. Нет и ещё нет! Вы всё себе нафантазировали!

– Господа, вы ошалели! Что вы делаете?! – кричит Рутенберг.

– А у вас, Рутенберг, вообще нет права голоса, – отбивается Керенский – Вы напросились побыть здесь, пользуясь дружбой со мной и с Борисом. И теперь сидите и молчите!

– Поймите, эти большевики... Вы понимаете, кому вы сдаёте Россию! – Рутенберг поворачивается к Терещенко. –

А вы?! Нашли кем пугать! Послами, бя! Они спят и видят Россию в жопе! Временное правительство должно поддерживать Корнилова! Дайте ему войти в Петроград и уничтожить эту мерзость!

– Простите, но демократия требует... – Керенский становится в позу оратора.

– Демократия?! Ха-ха.... Эта ваша подлость! С генералом Крымовым²⁹... Вы заманили его! А я знаю, Саша, почему вы... – говорит Рутенберг.

– Почему?!

– Да потому что поняли, что Корнилов повесит и вас. И поделом! – Обращается к Савинкову – Как считаешь, Борис?

– Я всегда и во всём был не согласен с Рутенбергом – говорит Савинков – Но сейчас сто процентов твоя правда, Пинхас. Послушайте его, Александр!

– Ой! Рутенберг – провидец! Патриот России... – саркастично смеётся Керенский. – Вы вообще, Пинхас, перебежчик! То вы креститесь, то опять в иудаизм!

– Да! Потому что с вами, православными дремучими идиотами... Власть временного правительства это шагреневая кожа и она с каждым вашим словом, Саша, съёживается донельзя. Скоро только на один Мариининский Дворец и будет распространяться. А там, глядишь, на один ваш сральник. Прекратите клоуном на манеже работать! Огромная страна в ничто превращается!

Терещенко с улыбкой наблюдает спор.

Фургон для перевозки арестованных. Вечер

Ленин в фургоне в наручниках и ножных кандалах. Машина останавливается.

Ленин спускается по ступенькам из фургона. Вокруг фигуры юнкеров. Он делает два-три шага. И вдруг один из юнкеров втыкает в него примкнутый к винтовке трехгранный штык.

С удовольствием проворачивает. Ленин пытается ухватить штык руками. Крупно руки и текущая кровь. И тут другой юнкер с криком «Коли!» втыкает свой штык, ему в спину. И вот уже над кучей сбившихся юнкеров только взлетают приклады винтовок.

Австрия. Курорт Бад Гаштайн. Клиника. Ночь

Крик несётся по коридору клиники. Дежурный санитар влетает в палату. Там бьется в истерике Ленин. Ему делают укол. И он снова засыпает, но еще некоторое время бдительно вскидывает веки. Он боится заснуть и снова уйти в кошмар.

Австрия. Курорт Бад Гаштайн Клиника. Процедурные комнаты. День

Калейдоскоп процедур клиники того времени. Массаж, ванны, водолечение, грязи, гипноз. Ленина массируют. Ленина опускают в ванну. Обмазывают грязью. Гипнотизируют.

И наконец, главное – психоанализ. Ленин на кушетке и профессор Адлер с блокнотом в руках.

Австрия. Курорт Бад Гаштайн Клиника. Палата. Вечер

На столе толстые тома «Маркс» и «Энгельс» немецких изданий и словарь. Ленин старательно выписывает оттуда цитаты в синюю тетрадь. Переводит на русский язык.

Австрия. Курорт Бад Гаштайн Клиника. Палата. День

Ленин с удовольствием пишет. Стопка исписанных листов почтовой бумаги растёт.

Поезд Стокгольм – Гельсинфорс (Хельсинки). Вечер

Такой себе тихий, аккуратный человечек. Видно, что бухгалтер. Он пьёт чай. Выходит в тамбур. Закуривает. Рядом с ним стоит ещё один курящий. Именно он незаметно открывает замок двери вагона.

Поезд приближается к мосту над речкой. Дверь открывается в нужный момент. Толчок. И тело бухгалтера, для верности ещё и проткнутое ножом, улетает вниз в воду.

Курильщик проходит в купе, забирает портфель бухгалтера. Проходит через пару вагонов. Заглядывает в купе. Передаёт портфель Карелу Радеку.

Радек рассматривает содержимое портфеля и озадачено качает головой.

– Как же так?! Ведь доверяли скотине! Все копии банковских документов!

– Вы должны выйти на этой станции, – предупреждает курильщик, – А то ненароком заедете в Россию.

Станция. Перрон

Радек с портфелем выходит и пересаживается в поезд, возвращающийся в Швецию.

Санкт-Петербург. Финляндский вокзал. Вечер

Ротмистр Маслов-Лисичкин из сыскного отдела проверяет готовность агентов. С ним рядом Рутенберг. Ждут прихода поезда.

– Сразу не подходить, – просит Рутенберг. – Пусть он выйдет на привокзальную площадь.

Подходит поезд. Выходят пассажиры. На них внимательно смотрят агенты. Пустой перрон. Рутенберг проходит вдоль вагонов. Останавливается у одного из них. К нему подбегает ротмистр. Разводит руками.

Санкт-Петербург. День

Мальчишки-газетчики снуют между прохожими и выкрикивают:

– За отсутствием улик Троцкий и Рошаль выпущены на свободу! Газета «Новое время»! Только у нас! Троцкий на свободе!

Санкт-Петербург. Возле ворот тюрьмы «Кресты»

Из ворот выходят выпущенные на свободу Троцкий, Рощаль, Коллонтай, Бубнов и т. д. Кучка демонстрантов, размахивающих красными флагами. Крики «Ура!». Иоффе и Троцкий обнимаются. Иоффе набрасывает на плечи Троцкого лёгкое пальто:

– Накиньте, Лев Давыдович. Ведь сажали вас летом, а уже осень. Троцкий становится на принесенную тумбу и произносит речь.

На углу стоит автомобиль. Оттуда за происходящим наблюдают Мирбах и гауптман.

**Австрия. Курорт Бад
Гаштайн Клиника. Открытая
веранда на фоне Альп. Утро**

Сеанс воздухолечения. Ленин сладко спит в гамаке.

Австрия. Курорт Бад Гаштайн Клиника

Кабинет Профессора Адлера. Утро

На спящего Ленина из окна кабинета смотрит Мирбах. Потом он возвращается к столу:

– Кстати, профессор, вам привет от герр Иоффе. Адольф Иоффе. Ваш бывший пациент и большой фанатик психоанализа. Именно он порекомендовал Вашу клинику.

– Как же, отлично помню! Светлая голова! И где он сейчас?

– В России. Лекции, практика. Продвигает в жизнь Ваше учение о психоанализе.

– Ну, не надо. Я всего лишь скромно оппонирую Фрейду. По поводу же вашего протеже... Пастора Брика? Ведь так по документам? Правильно?

– Правильно. Пастор Брик. Из Венгрии.

– Курс лечения завершён. Состояние стабильное. Выписываем. Что же до клинической картины. Очень неустойчивая психика, масса всяческих фобий. Перенапряжение запустило процесс деградации. Плюс клиент пережил очень сильный испуг. Развилась мания преследования. Ему всё время кажется, что его закалывают штыками. Только это. Не стреляют, не отравляют, а именно штыками. В живот. При-

чём триггером невроза стала встреча с человеком по фамилии... Славянская фамилия. Турчнкин, Тереченкин, Терещенко...

Мирбах записывает варианты фамилии.

– Наблюдается паранояльность, ревнивость, – продолжает профессор.

– подозрительность, склонность к патологической интерпретации событий. Повышенная оценка собственного предназначения. Агрессивность, вспышки гнева... Предполагаю изменения в височных долях. Основанием для этого – наблюдаемая у клиента ярко выраженная гиперграфия. Погашение возбуждение писаниной. Обычно это галиматья, но изредка бывает и какой-то удобоваримый, но крайне вторичный трактатик. Он, действительно, читаемый автор? Я пытался осилить его труд «Материализм и эмпириокритицизм». Смесь ученичества и невежества неопита. Хотя допускаю, что просто перевод на немецкий язык выполнен плохо. Да! Ещё у клиента органические изменения... Запущенная форма сифилиса. И эпилепсия с детства.

– Как долго он продержится? – Граф Мирбах показывая на голову. Мол, мозги?

– Ну, года четыре. А потом резко... – профессор чертит рукой в воздухе резкую нисходящую кривую.

– Ну, нам этого хватит, – по-хозяйски резюмирует граф Мирбах. Профессор Адлер задумчиво смотрит на него.

Москва. Улицы. День

ТИТР: Москва 6 июля 1918 года.

Шикарный кабриолет «ролс-ройс» везёт Ленина, Свердлова и Чичерина в Денежный переулок. Ленин в прекрасном расположении духа. Заходят в германское посольство.

Там в гробу убитый посол Германии в Советской России граф Мирбах.

Ленин, Свердлов и Чичерин отдают почать у гроба. Ленин произносит речь на немецком языке.

– Я приношу германской стороне извинения правительства Советской России по поводу случившегося внутри здания посольства, т. е. на неконтролируемой советским правительством территории. Конечно, дело будет немедленно расследовано и виновные понесут заслуженную кару.

Всё очень формально. Выходят. Ленин, Свердлов и Чичерин садятся в кабриолет «ролс-ройс». Отъезжают.

– Когда я с Радеком готовил эту речь, – смеётся Ленин, – я хотел сказать «Mitleid», а надо говорить «Beileid».

Поясняет Свердлову:

– «Beileid» это «соболезнование». А «Mitleid» означает «соучастие». Ха-ха.

Берлин. Улицы. День

ТИТР: Берлин. Ноябрь 1918 года

Грузовики с вооружёнными солдатами и рабочими. Красные флаги. Революционные события. (Эпизод снимается под хронику).

Карел Радек с группой боевиков-спартаковцев идут сквозь те же величественные коридоры и залы, что в эпизодах с Лениным. Под дулом пистолета ведут того самого чиновника – канцелярскую крысу, которая требовала подписи Ленина. Тот показывает, где в архиве все документы по России. Ящики выволакивают в зимнюю оранжерею и сжигают.

Чиновник, глядя обезумевшим взглядом, как поступают с документами, падает замертво от разрыва сердца.

– Вот архивная крыса! – смеётся Радек. – И патрона трать не надо!

Австрия. Курорт Бад Гаштайн Клиника. У входа. Утро

Солнечно. Чемодан Ленина грузят в багажник. Ленин, бережно прижимая к груди небольшой пакет, садится в машину. Пациента провожает сам профессор:

– Счастливого пути, господин пастор. Успехов вам! Профессор смотрит вслед удаляющемуся авто.

ДИКТОР:

Адлер Альфред – автор теории о «социальных комплексах» Президент Венского психоаналитического общества. Бывший соратник, а затем оппонент Фрейда. Умрёт неожиданно в мае 1937 года в Шотландии. Официальная версия смерти – сердечный приступ. Его дочь, проживавшая в СССР, будет расстреляна в 1938 году.

Автомобиль движется вниз по серпантину. В машине рядом с Лениным на заднем сидении граф Мирбах.

– Не с пустыми руками еду, – говорит ему Ленин. – Вот целая книга. «Государство и революция».

Мирбах кивает.

– А вы меня обманывали, герр Мирбах, – говорит укоризненно Ленин. – Нехорошо.

В апреле вы говорили, что всё случится в две недели.

Только выступления, призывы и всё покатится. А потом в июле... Мол, всё готово. Теперь вы мне говорите про октябрь. Но ничего. Имея такое руководство к действию...

Ленин нежно прижимает к груди рукопись. Все 85 листов.

Город Могилёв. Вокзал. Утро

Ставка Главнокомандующего русской армии. Заканчивается визит послов стран Антанты. Играет оркестр. Блики солнца на трубах, на клинках шашек почётного караула. Послы жмут руку генералу Духонину.

Суета погрузки. У вагона стоят Терещенко и генерал Духонин³⁰.

– Спасибо вам, Михаил Иванович! – говорит Духонин. – Эти послы ну просто замучили. Особенно этот француз. Скажи, да скажи. А что говорить?! Я боюсь, что моя власть простирается разве что до конца этого перрона. И даже в этом я неуверен. Вата! Если бы не вы с вашим шармом и умением уводить разговор, я бы не выкрутился.

– Да, что вы, Николай Николаевич! Вам бы дипломатом работать. Так хорошо вы углы обходили.

– Ещё раз спасибо, что вы с послами навестили генерала Краснова. Уж очень двусмысленное у него положение. Вроде бы под арестом, а... Конечно, взгляды у него патриархальные. Такой себе «Слуга царю, отец солдатам». Вы подняли ему настроение. До встречи!

Они пожимают друг другу руку. Состав трогается. Терещенко заскакивает на подножку. Удаляется перрон, на котором стоит генерал Духонин.

ДИКТОР:

Через полтора месяца на этом перроне генерал Духонин будет арестован матросами, присланными Лениным. Поднят на штыки и растерзан толпой солдат.

Поезд. Утро

Терещенко проходит по вагону, шутит с юнкерами из охраны, заглядывает в купе к послам, успевает ущипнуть дочку английского посла Мюриэль. Проходит в своё купе, где уже раскладывает его чемодан адъютант поручик Чистяков.

За окнами поезда мелькают перелески, деревни, пасущиеся коровы... Россия. Средняя полоса.

Станция Дно. Утро

Поезд посллов, пропуская состав с военной техникой, идущий на запад, стоит у перрона. Косой осенний дождь не очень мешает снующей по перрону толпе. Это в основном дезертиры. Играет гармошка. У будки с надписью «Кипяток» очередь. Солдатские котелки, чайники.

Послы и Терещенко завтракают. Кофе, пирожные, бутерброды. Виски. Коньяк. Лёгкий непринуждённый разговор, шутки. Терещенко разглядывает в окно станцию.

Внимание Терещенко привлекает какая-то суета.

По перрону тащат упирающегося солдата. Командует этим «Мордатый». Вот он срывает с солдата шинель. Теперь видно, что это офицер.

Его толкают к стенке. И отступают. «Мордатый» собирает расстрельную команду.

Терещенко не выдерживает. Как есть, в белой рубашке, он пролетает сквозь вагон и вылетает на перрон. Врезается в толпу с криком:

– Прекратить!

Подбегает к «мордатуму».

– Робя, смотри, ещё один буржуйчик набежал! – «мордатый» хватает Терещенко за руку и бросает к стене. При этом успеваает оценить на ощупь ткань. – Хороша рубашка! Шёлк! Заряжай!

Всего две минуты отделяют Терещенко от тепла вагона и кофе с марципаном до этой красной кирпичной стенки под дождём.

Терещенко с офицером у стены. Смотрят искоса друг на друга.

– Дождик, – пожимает плечами Терещенко.

– Да, дождик. Штабс-капитан Радашев – представляется офицер.

– Михаил Терещенко.

А толпа дезертиров густеет. И беснуется перед ними «мордатый» и выстраиваются добровольцы расстрельной команды.

Из вагона вылетает поручик Чистяков с десятком юнкеров. Они пробивают толпу и становятся в шеренгу, ощерившись карабинами, прикрывая Терещенко и офицера. Чистяков телом заслоняет Терещенко.

Толпа тоже щетинится винтовками. Действительно, что такое десяток юнкеров. Щёлкают затворы. Крики:

– Стреляй юнкеров! Буржуи!

– Товсь! Целься! – даёт команду «мордатый».

Пулемётная очередь разрывает воздух над толпой. Все оглядываются. На вагонных площадках поезда пулемёты. И пара пулемётных юнкерских расчётов уже заняли позиции прямо на перроне. Поезд то специального назначения. Послы Антанты это не хухры-мухры.

Раз и «мордатый» растворяется в толпе. И сама толпа

быстро рассасывается.

Станция Дно. Вагон поезда. Утро

Терещенко с офицером возвращается в вагон. Послы, наблюдавшие всё из окон, устраивают овацию. А дочка английского посла смотрит на Терещенко с восхищением.

– Штабс-капитан Радашев, – представляется всем офицер. – Тут, прямо в багажном отделении завалили девку трое. Во главе с этим мордатым. Я....

Потом они с Терещенко вдвоём стоят у окна. Курят.

– ...Влепил пощёчину командиру полка, – рассказывает Радашев. – Так не воюют! И пресмыкаться перед солдатами негоже. Скотина! Слава Богу, просто приняли отставку. Направляюсь в Петроград.

– Согласны служить у меня?

– А вы кто?

– Министр иностранных дел Временного правительства.

– Непонятно. Знаете, у меня в роте обычно занятия с солдатами проводил фельдфебель Гуляйветер. Вот поднимет солдата и хрипло так «Отвечай, кто у нас внутренний «враХ»? А тот выкатит глаза и рывкает без запинки «Жидаы и скубенты». Я всегда на это смотрел как на анекдот. А вот теперь... Так что большое спасибо за участие в моей судьбе, но ваше приглашение я не принимаю. В Петрограде сейчас бывший соученик по юнкерскому... Полковник Врангель. Он клич бросил. Вот с ним буду. Позвольте идти спать.

Устал смертельно.

Санкт-Петербург. Витебский вокзал. Утро

С Финского залива дует резкий, сырой ветер, и улицы затянуты мокрым туманом. Моросит дождь. Послы шумно высаживаются из вагона.

- Подвезти? – спрашивает Терещенко Радашева.
- Буду признателен. На Фонтанку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.